

Гемриил Рахмилов

Бенъягу

Глава 51. Встреча в горах

Июль 1915 года.

Как Вы полагаете, уважаемый читатель, что произойдет, если вооруженный абрек, или нелегал, отсиживающийся по какой-то причине в горах, встретит там себе подобного? Вряд ли ответ покажется Вам очевидным.

Одиночные выстрелы из винтовки в нескольких верстах к северу от пещеры не раз беспокоили Беньягу. Быть обнаруженным и застигнутым врасплох ему не хотелось, да и отступать со своей временной, но надежной стоянки он пока не собирался. Поэтому было немаловажно обнаружить стрелка первым. Несколько раз в то время, когда по обыкновению звучали выстрелы, Беньягу устраивал засаду то в зарослях в ущелье, то в кронах деревьев на холме, наблюдал и вслушивался, внюхивался в порывы ветра. Собак он оставлял у пещеры.

Однажды, обнимая набежавшего на него после возвращения из такой засады Батю и потрепывая его по огромной светлой шкуре, мужчина к своему удивлению заметил десятки опарышей, кочующих по шкуре пса.

- Бедный дружок, Батя! Не рановато-ли ты сдался, братец, – произнес опечаленный Беньягу, глядя в глаза преданного друга, – но что я могу сделать для тебя? Видимо время наше потихоньку подходит.

Он хотел попробовать осыпать пса дустом. Но эта идея быстро улетучилась, когда он представил то, какие муки может принести это собаке, видимо, просто гниющей от

неизбежной старости. В итоге он ничего предпринимать не стал.

В одну из своих очередных вылазок Беньягу едва не сцепился с леопардом, который наблюдал за ним, в то время как сам мужчина находился в засаде. Очевидно дикая кошка размером в три с половиной аршина не понимала, что можно ожидать от человека и легко ли он отдаст себя на съеденье. Не увидев и тени страха в глазах вооруженного человека при неожиданном прямом взгляде с расстояния шести-семи саженей, леопард предпочел ретироваться.

В следующий раз, когда выстрел винтовки прозвучал где-то уж очень близко, через пятнадцать минут наблюдения в засаде, Беньягу услышал легкие шаги неподалеку от себя и, осторожно сойдя с дерева, пошел вслед за путником. Увидев впереди себя спину с запрокинутым на нее мешком, Беньягу окриком остановил его:

- Стой! Брось оружие.

Человек в желтой кургузой папахе, одетый в коричневую черкеску, остановился и отбросил ружье. Затем медленно положил мешок и повернулся.

- А, сосед! Давно жду, когда ты решишься со мной познакомиться, – произнес незнакомец, расплывшись в улыбке.

Это был молодой поджарый мужчина лет двадцати семи со светлыми глазами, короткой щетинистой рыжей бородкой, такими же усами и красноватой пористой кожей на щеках. Под короткими штанами виднелись голые ноги, одетые в кожаные чуваки.

- Взять с меня нечего. Да и знаю я, что ты не грабитель, – говорил мужчина. – Все время уезжаешь куда-то, чего-то ищешь, только чего – не пойму. Еврей ты.

- Как зовут тебя? – спросил Беньягу.

- Мамсур! Мамсур я! – ответил мужчина.

- А что не убил меня, Мамсур?

- За что? Я тебя не знаю. Да и не убийца я. Вот охочусь только для своего пропитания. Мамсур указал на мешок. Хочешь, присоединяйся.

- Спасибо, Мамсур! – ответил нукер. – Один?

- Совсем один, – ответил Мамсур, продолжая улыбаться.

Беньягу подошел к Мамсуру и спросил, посмотрев ему в глаза:

- Давно здесь?

Крепкий мужчина не производил впечатления отъявленного убийцы, скорее жертвы.

- Да, здесь недавно, полгода где-то. А в общем уже два года выходит как живу в горах – ответил Мамсур.

- Беньягу! – представился наш герой и протянул руку.

Мамсур сначала растерялся, затем улыбнулся во всю ширь своего, казавшегося добродушным, лица и ответил на рукопожатие.

Собрав все свое оружие и оправившись, Мамсур предложил:

- Раз уж так все хорошо разрешилось, приглашаю тебя на трапезу.

Беньягу, некоторое время раздумывая, ответил:

- С удовольствием!

Он, конечно же, рисковал, направляясь с новым знакомым на званый обед. Но жизнь в полном одиночестве,

без какого-либо общения длительный период, начинала угнетать Беньягу, и он пошел.

Мужчины прошли около двух верст вдоль холма и спустились чуть ниже в ущелье. Здесь, на склоне, практически спрятанная за ветвями кустарника, располагалась старая, построенная некогда из сруба небольшая водяная мельница. Вместо проходившего когда-то рядом горного потока по широкому сухому руслу протекал небольшой ручеек. А вместо воды, текшей ранее по желобу на укрепленные по торцу мельничного барабана лопасти, везде раскинулась добротная-сплетенная паутина.

- Неплохо! – произнес Беньягу и вошел в помещение мельницы, повинувшись приглашающему жесту Мамсура.

Было прохладно, пахло древесной смолой и, очевидно, запахом пота хозяина. Помещения можно было условно разделить на две равные части. В одной располагалась нехитрая конструкция с жерновами, лестницей для загрузки зерна, кадушкой на металлическом крюке для приема муки и подполом с мельничным колесом, в другой размещалась жилая часть с тюфяком и матрасом, одеждой, кухонной утварью и оружием хозяина, развешанными на гвоздях.

Мамсур раскрыл мешок, который принес, вытащил оттуда небольшую дрожащую всем телом мокрую косулю-подранка и выложил ее на пол помещения мельницы.

- Видишь, Беньягу, в ногу попал?

- Ну, да!

- Думаешь, промахнулся?

- Наверное, да.

- И ты действительно прав, дорогой мой кунак! Промахнулся! Специально промахнулся!

- Как это?

- Тебя ко мне Аллах послал, ты знаешь это? А ты знаешь, кого я еще немножечко остерегаюсь, кроме своих кровников?

Беньягу заинтригованный, молчал.

- Здесь туда-сюда леопард ходит, да мощный такой, красавец. Все думает, как ко мне подступиться, застать меня или мою лошадь врасплох. И я хочу его опередить. Хочу его шкуру вон туда, – указал он на угол в жилой части мельницы. – Ловушка готова. Две недели яму копал и мастерил колья. А тут и косулю удачно подстрелил, и ты здесь, дорогой кунак. Смотри, с ней почти ничего не случилось, только эту маленькую косточку снесло.

- Аллах Акбар! – подытоживая, возвел руки к небу и свел их на подбородке Мамсур.

Косуля заблелая, чем в очередной раз подняла настроение Мамсуру.

- А пока мы от души пообедаем, – продолжил он, приложив к мордочке косули миску с водой и вышелушенными зернами кукурузы.

Затем из того же мешка Мамсур достал двух тетеревов.

- Ты, брат, осмотришь пока, а я разведу огонь и все сделаю сам как радушный хозяин. Отдыхай! – произнес он.

Пока Беньягу разглядывал близлежащие окрестности: речку с сухим руслом, оставленный кем-то в запустении виноградник, на котором угадывались зеленые гроздья, еще не напитавшегося солнцем винограда и несколько плодовых растений дикой алычи и сливы, Мамсур уже развел огонь в самодельной печи, мастерски ошпал и разделал двух тетеревов, засыпал в котелок пару горстей

риса и несколько щепоток какой-то специи. После этого хозяин мельницы замесил немного муки и накатал пару колобков теста.

- Сестер у меня не было, мать постоянно болела, поэтому мы с отцом не гнушались иногда самостоятельно чего-нибудь такого приготовить, – то ли похвалялся, то ли извинялся за свое умение стряпать Мамсур. – А когда женился, всем этим, конечно, занималась жена.

- Давай пока готовится, по стаканчику вина выпьем, дорогой Беньягу, - предложил Мамсур, вытащив откуда-то из-под мельницы большую бутылку с вином. - Одна бабушка здесь недалеко живет, золотые ручки, хочу тебе сказать, замечательное у нее вино. Из того винограда, который ты видел за мельницей.

Мамсур разлил вино по стаканам и передал один из них новому приятелю.

- Дай Бог нам здоровья, – коротко произнес Мамсур, и практически залпом осушил стакан.

Беньягу последовал примеру Мамсура. Вино действительно было великолепно и немного ободрило его. Он спросил Мамсура:

- Мамсур, дорогой, а ты откуда сам?

- Хочешь мою голову кровникам продать? – то ли в шутку, то ли всерьез ответил Мамсур. – Не стоит нам этого знать, ни тебе обо мне, ни мне о тебе – поверь мне, дорогой друг.

Беньягу опешил, но мысленно согласился.

- Ладно, если ты так считаешь, Мамсур. Просто хотел разговор поддержать.

- Вот и похлебка наша готова, – порадовался Мамсур, вынимая из бульона сваренных тетеревов и выкладывая их на тарелки. После снятия с печи котелка, Мамсур заложил на ее плоскую металлическую поверхность обваленные в муке заготовки лепешек.

- Пойдем, пока помой руки и садись, – показал Мамсур на матрац в углу мельницы, – все что необходимо я принесу.

Беньягу зашел и присел на матрац в углу мельницы, рядом Мамсур по-хозяйски постелил скатерку, положил тарелки с мясом, котелок с похлебкой и выложил имеющиеся у него в хозяйстве соленья. Через десять минут двое мужчин в черкесках, поджав ноги под себя, молча ели похлебку, закусывая мясом и заедая свежеиспеченными лепешками. Выпили еще по одному стакану. Когда Мамсур стал подливать третий, Беньягу заметил новоиспеченному приятелю:

- У нас же еще дело сегодня. Забыл, Мамсур?

- Точно! Дело у нас! Сделаем дело, потом и выпьем! – сказал Мамсур и, деловито улыбнувшись, поднял указательный палец вверх.

Пообедав, мужчины пошли смотреть ловушку. Осмотрев яму с уже вбитой дюжиной толстых кольев, Беньягу спросил:

- А ты когда-нибудь ловил диких кошек?

- Нет, дорогой, не ловил. Но смотри, как заточены, – показал он, коснувшись острия одного из кольев, забитых в яме.

Кровь не замедлила появиться на его пальце:

– Осталось только вытащить лестницу и воткнуть еще пару заточенных кольев.

Обвязав себя веревкой на уровне груди, Мамсур аккуратно спустился в яму и стал вколачивать тыльной стороной топора оставшиеся два кола. Беньягу оберегал своего нового приятеля от падения, поддерживая его за веревки. Когда все колья были забиты, Мамсур заточил их верхние части своим коротким кинжалом.

- А теперь тащи, – проговорил он, довольный своей работой.

Беньягу вытянул его на край ямы, после чего оттуда также благополучно была вынута деревянная лестница.

Когда сумерки сгустились, мужчины принесли косулю и аккуратно уложили ее между кольев на дно ямы. Косуля поблеивала, не то от боли, не то зовя на помощь. Сверху ловушку аккуратно застелили кустарником.

- А вдруг он сегодня не явится? – засомневался Беньягу.

- С чего это? Явится. Куда денется. Каждую ночь здесь ошивается. У него же нет такого вкусного козьего сыра со свежее испеченными лепешками, как у нас, – улыбаясь во все рыжее месяцами небритое лицо, ответил Мамсур.

Довольный проделанным, Мамсур вспомнил об отложенном мужчинами стакане вина.

Было уже темно, когда мужчины, голова к голове, легли в углу помещения мельницы. Мамсур, ошарашенный возможностью общения с таким же как и он, в сущности, волею случая ставшим изгоем мужчиной, который к тому же внимательно и участливо выслушивал своего молодого сотоварища, а тот все говорил и говорил, возвращаясь в недавнее прошлое.

Глава 52. Рассказ Мамсура

Я сам родом из крестьянской семьи, в которой я был единственным и долгожданным ребенком, так как моя мать долгое время не могла выносить детей. Мой дядя погиб на русско-японской войне, не успев даже жениться, поэтому весь родовой надел в две десятины пахотной земли и в столько же покосной достался семье моего отца. В семнадцать лет я женился на понравившейся мне девушке из села. Через три года она простудилась и умерла. Хозяйство требовало рук, поэтому отец сразу же засватал мне соседскую девушку, у которой было еще две сестры и пять братьев. Через год после моей женитьбы отец и мать попали под оползень, возвращаясь с ярмарки. Я с молодой женой много работали на своем участке, иногда в особо сложные времена привлекали ее братьев и сестер. Прошло несколько лет. Все было бы хорошо, однако, моя вторая жена не могла родить, и это обстоятельство приводило к семейным ссорам. Не раз она уходила в отчий дом, жалуясь на меня, но всегда непременно возвращалась. Тем не менее мои отношения с шуринами стали несколько прохладными, если не сказать более жестче.

Спусковой крючок враждебности между мной и шуринами был взведен, оставалось только появиться малейшему поводу, чтобы произошел выстрел. И он появился. Наши с родственниками жены участки земли, так же как и дома, были по соседству, и я уже несколько лет примечал, что естественная ограда из кустовой ежевики между нашими наделами постепенно смещается в сторону

моего участка. Поначалу, я не реагировал, полагал, ну что же, если чуть подвинут, вроде, как все равно родственники. Однако это сезонное перемещение кустарников не останавливалось. Уже некоторые плодовые деревья, которые были высажены еще моими предками по периметру надела, перешли на сторону обнаглевшей родни. Полной неожиданностью для меня стало и то, что и другие соседи не так рьяно, но тоже стали передвигать живую ограду по своему желанию. Мое сердце крестьянина не выдержало, и когда мы вдвоем с одним из старших своих шуринов занимались поливом по разные стороны этой окаянной ограды, я заметил:

- Ай, Абдулла, до каких пор ты будешь двигать этот несчастный забор в мою сторону?

- До тех пор, Мамсур, пока ты, ишачий сын, не разродишься, чтобы вообще иметь право голоса, – ответил он.

- Ай, Абдулла, посмотри в канаву, только приблизься лицом поближе, чтобы увидеть в ней настоящего ишака.

- Ты что, выродок, вообще страх потерял. Можешь спросить у своего отца, какой ишак помог ему и твоей матери выродить тебя.

Я в один миг перебрался через ограждение и оказался перед этим шайтаном.

- Рот свой грязный закрой, вор несчастный! – побагровев от ярости крикнул я, схватившись за кинжал.

Мое заявление, насчет воровства, по-видимому, не очень понравилось Абдулле, его лицо перекосило, зубы закрипели, как ржавые петлицы дверей.

- Кто вор? – вынув свой кинжал и сделав замах в мою сторону, закричал он. – Я вор? Сюда иди!

Очередной замах был блокирован моим локтем. Молниеносно приблизившись, я вонзил свой кинжал Абдулле под дых, затем еще пару раз в живот. Шайтан упал, истекая кровью, а все продолжал подзывать меня:

- Сюда иди!

- Ну что? Я здесь! И, что ты сейчас можешь? – произнес я и поспешил домой.

Дома, пока содеянное не открылось, я быстро собрался, взял деньги, что были, оседлал лошадь и был таков.

Полгода скрывался в горах, каждый раз чувствуя за спиной лай этих неугомонных псов, братьев моей супруги, отхвативших все-таки мою землю, мой дом и саму мою жизнь.

Хотел перебраться в Османию, однако, не успел. Начались проблемы между странами, границы стран усилились, а потом, в конце осени прошлого года, турки и вовсе вступили в войну против русских. Прошлую зиму хотел отсидеться в Дербенте, в доме кунака моего нового приятеля, тоже ранее желавшего перебраться за границу. В феврале двое шуринов напали на мой след и нагрянули в дом, где я гостил. Между тем я был предупрежден сыном хозяина дома, который работал на базаре продавцом и разносчиком питьевой воды. Этот парнишка рассказал, что двое незнакомцев ходили по рядам и спрашивали о рыжеволосом мужчине по приметам похожем на меня. Я не стал бежать, а встретил этих шайтанов. Они пришли под утро. Я не спал и встретил одного из них пулей, второго обманул, выбравшись из дома через крышу.

Сейчас везде военные, конные разьезды, поэтому пока перестрелка не привлекла посторонних, я сел на свою лошадь и ускакал в горы. «Дай, – думаю, – поднимусь повыше и подальше от дорог и людских троп». Долго скакал, двое суток. Добрался до небольшого аула, что под той вершиной, в двух-трех верстах отсюда вверх по склону, благо земля еще не потекла и можно было по еле угадываемым тропам взобраться на самый верх. Туман, холодно, безлюдно, разруха, ни одного приличного жилища. Как люди там жили, понять не могу.

Стою я в этом тумане посреди аула и, озираясь по сторонам, кричу: «Есть кто-нибудь живой?». Слышу скрипит что-то, поворачиваюсь в сторону этого самого скрипа – бабушка стоит сухенькая-сухенькая, маленькая, вся укутана в тряпье и говорит что-то, вот точно, как повашему. Подхожу, спрашиваю: «Бабуля, вы что здесь делаете?». Машет рукой не понимает, мол. Я ей руками показываю что-то, она тоже что-то. Пригласила в коморку к себе. Растопила печку. Разогрела чайник. Согрелся, попил чаек на травах и липе. От тепла печи и чаечка разморило меня, и я незаметно уснул прямо на настеленном на глиняном полу худом матраце.

Проснулся я укрытый шерстяным остро-пахнущим чем-то одеялом. Бабка оказалось хлебосольной. Она быстро настелила скатерку прямо на пол передо мной. Через минуту-две на скатерти уже красовались и сухой кусочек кукурузной лепешки, и крынка козьего молока, и кусочек сыра, и соленья, и бутыль домашнего вина, и сахарочек мелко-колотый. Сама же она села у печи, закладывая в нее

еще одно полено и непрестанно разговаривала будто на вашем что-то такое: «*Эунжо рафдем, чу хэбери*»ⁱ и прочее.

Я немного поел. Ну, того, что выглядело более-менее, и выпил пару стаканов вина. Мне стало хорошо. Оказывается, и в таких местах, как этот брошенный аул, расположенный за облаками, на земле, которая мало на что пригодна, может быть тепло и уютно. И люди настолько приятны, насколько мне стала казаться эта брошенная в селе гостеприимная женщина.

В конце концов, мы стали понимать жесты друг друга, и я узнал о том, что в ауле уже двенадцать лет никто не живет кроме нее, несчастной вдовы. Все жители переселились на низменность в десяти верстах вниз по холму в новый аул с тем же названием. Она не переехала, осталась смотреть за могилой свекра со свекровью, мужа и семи ее умерших детей. Зовут ее Сулима. Есть у нее и домашнее хозяйство: козочка и петушок с двумя курочками, небольшой огородик с насыпанным привезенным черноземом.

Также она рассказала мне, что вино делает из винограда со старой мельницы. Хоть хозяин-мельник и перестал присматривать за своим виноградником, виноград все равно произрастает, но все больше в мелких «одичалых» гроздьях.

Узнав про брошенную мельницу, где, к тому же, растет виноград, и, главное, там, по-видимому, значительно теплее, я в тот же вечер направился на его поиски. Бабушка была очень расстроена, уговаривала остаться, но я обещал скоро

ⁱ Эунжо рафдем, чу хэбери – абракадабра, т.е. бессмысленный набор слов или фраз на джуури в понимании произнесшего.

навестить ее и привести в порядок ее покосившуюся саклю. И я ее не обманул — приблизительно раз в месяц я бываю у нее в гостях и помогаю по мере своих сил. И конечно же, я ее предупредил, что никому нельзя рассказывать обо мне, так как, если найдут, то убьют.

Старая мельница пришлась мне кстати. Я почти ничего здесь дополнительно не обустроивал. К тому же чистая родниковая вода под боком. Можно было бы налаживать хозяйство. Но вряд ли здесь можно выжить зимой. Пережить зиму под заботой бабушки Сулимы, это не по мне. Хотя ей конечно хотелось бы. Да и всех запасов ее мне на пару зубов.

Наладить здесь, в мельнице, печь, используя подходящий материал из аула? Можно, конечно. Но необходимо немало потрудится, чтобы изолировать мельничный проем, утеплить стены и установить ее здесь.

Во время пауз в монологе Мамсура Беньягу вставлял примеры из своей жизни. Много говорил о потерянном сыне, которого уже много лет безуспешно ищет, рассказывал о своем выдающемся отце, однако, и словом не обмолвился о том, какое преступление совершил.

- Есть еще одна задумка, — делился с ним своими планами Мамсур. — Об этом я слышал в Дербенте. В связи с боевыми потерями на войне, постоянно возникает необходимость в доукомплектовании полков Дикой дивизии. В ее ряды стали принимать добровольцев из числа абреков и иных нелегалов, амнистируя их при этом. Условием амнистии является то, что доброволец не обгагрлял свои руки кровью множества убитых им гражданских лиц,

и не обвинялся в убийстве кого-либо из высокопоставленных армейских или гражданских чинов, находящихся на службе Его Императорского Величества. То есть, я прихожу в мобилизационный центр, говорю, так мол и так, убил в драке человека, скрываюсь полтора-два года, опасаясь мести родственников убитого. Если, например, меня запишут добровольцем, то отправят воевать на западный фронт, в Европу. Там, завоевав авторитет в боях, можно попробовать остаться в армии, и затем осесть где-нибудь в России. Или найти на чужой земле более-менее симпатичную хозяйку и, женившись на ней, продолжить свой род.

- Как тебе моя задумка? – поинтересовался Мамсур.

- Не знаю, Мамсур! – ответил Беньягу.

«Строит ли вправду такие планы Мамсур, ставя целью свое выживание, спрятавшись от трех оставшихся кровников-шуринов? Действительно ли, ему не нужна была уже ни та земля, на которой трудились его предки, ни тот дом, в котором он вырос, ни его родное село, ни могилы его предков? Или может быть, говоря об этом, Мамсур хочет проверить на слабинку меня, Беньягу?» – размышлял наш герой.

Ответы на эти вопросы он так и не получил, так как в это время какое-то суетливое движение и рев за пределами мельницы вывели их с Мансуром из состояния полудремы.

- Есть! Попался! – резко приподнялся Мамсур снимая ружье с крюка, забитого в бревенчатую стену мельницы. Беньягу тоже встал, поправил пояс на черкеске, и схватил свой пистолет и ружье.

- Быстрей! Быстрей! – торопил Мамсур. – Попался, красавчик.

Он взял заранее заготовленный вечером смоченный керосином факел, и, подпрыгивая от выброшенного в него разом объема адреналина, побежал к ловушке. Далее, мужчины подбирались к ней, замедляя шаги. Мамсур передал факел Беньягу, а сам взялся за ружье и прицелился. Что-то содрогалось внутри ловушки. Подойдя поближе и раздвинув несколько оставшихся на поверхности кустов, наши охотники увидели блеск двух карих кошачьих глаз, смотрящих снизу прямо на них. Казалось, секунда и леопард одним прыжком дотянется до них своими огромными когтями.

Мамсур выстрелил, и кошка сразу же осела, перестав подавать признаки жизни.

- С одного выстрела! Ты видел Беньягу?

Потыкав притихшее животное длинными ветками и убедившись, что оно не двигается, охотники вернулись на мельницу — досыпать. Но как только стало светать они пошли вытаскивать дикую кошку из ловушки. Шкура леопарда была практически не повреждена, кроме дырки от выстрела во лбу и разреза, нанесенного двумя колями вдоль брюха животного. Вдоль по этим порезам Мансур и сделал разрез, когда освеживывал леопарда. Косуля то ли от сердечной слабости, то ли по другой причине погибла и уже не годилась в пищу. Мамсур был на таком подъеме и вне себя от радости, что до позднего утра ходил возбужденным, барабая себя в грудь.

В таком воодушевленном состоянии Беньягу покинул его, пообещав пригласить к себе на такой же царский обед

после возвращения с поисков сына, ориентировочно через месяц. Перед отъездом Беньягу Мамсур заглянул к нему в пещеру полюбопытствовать о житье-бытье приятеля. Широко улыбаясь и радуясь знакомству, он попросил Беньягу на время отсутствия дать ему кобелька Кабана. Подкормленный чем-то вкусным Кабан, вроде был не особо против, поэтому и был отпущен.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>От автора</i>	5
Пролог	15
Глава 1. Геокчай	21
Глава 2. Ильизир и Мехди	25
Глава 3. Соколиная охота	33
Глава 4. Грамота	36
Глава 5. Мустафа и Санайя	47
Глава 6. Черные дни	49
Глава 7. Лахидж	52
Глава 8. Спасение Фаруха	56
Глава 9. Равино	59
Глава 10. Потоп	64
Глава 11. Уста-Курбан	71
Глава 12. Замысел мастера	74
Глава 13. Рахиль и Иосиф	78
Глава 14. Рахамим и Динара	81
Глава 15. Сафар	84
Глава 16. Возмездие	91
Глава 17. Джамаат	95
Глава 18. Арестант	100
Глава 19. Яагу	107
Глава 20. Ночной визит	108
Глава 21. Рассказ Мустафы	114
Глава 22. Бегство	122

Глава 23. Хануко	128
Глава 24. Исроил	135
Глава 25. История Гюршума	139
Глава 26. Предложение	145
Глава 27. Мозолут	148
Глава 28. Евграф Кузьмич	155
Глава 29. Расплата	161
Глава 30. Шакал	168
Глава 31. Секрет Малики	175
Глава 32. Фарух	180
Глава 33. Карим	184
Глава 34. Самооборона	190
Глава 35. Первая победа	195
Глава 36. Асэльтэ	201
Глава 37. Свадьба	210
Глава 38. Маджалис	213
Глава 39. Революция и репатриация	223
Глава 40. Разбой	231
Глава 41. Аника	238
Глава 42. План сопровождения	244
Глава 43. Обоз	252
Глава 44. Банда Нурали	256
Глава 45. Эрец-Исраэль	265
Глава 46. Охрана поселений	272
Глава 47. Берта	281
Глава 48. Га-Шомер	287
Глава 49. История рабби Иляву	292
Глава 50. Возвращение	297

Глава 51. Встреча в горах	307
Глава 52. Рассказ Мансура	315
Глава 53. Кровники	323
Глава 54. Горцы на войне	328
Глава 55. Доброволец	333
Глава 56. Присяга	340
Глава 57. Герой Илиджи	345
Глава 58. Рахамим	354
Глава 59. Последняя встреча	366
Список литературы	373
ОГЛАВЛЕНИЕ	375